

Устаревшая модель, одна штука

ФАНТАСТИКА

Майк Гелприн

Я устарел шестого апреля, во вторник, в семь часов вечера по Москве. Даша так и сказала Алексу:

— Пит устарел, милый. Я вчера проконсультировалась с представителем компании. Говорит, что надо менять. У них проблемы с совместимостью версий, апгрейд, по его словам, нежелателен. Новая модель обойдется нам в полцены — они заберут Пита в счет оставшейся половины.

— Бог с ней, с ценой, — услышал я голос Алекса. — С Настей как быть?

С Настей мы играли в это время в слова. Высунув от усердия язык, она сосредоточенно искала пятибуквенные существительные в слове «дуболом».

— Облом, обмол, — торжествуяще выдала, наконец, Настя. — Мудло.

— Третьего слова не существует, — на всякий случай я послал запрос в словарь эвфемизмов и получил в ответ «не найдено». — Тебе штрафное очко.

— Еще как существует, — возразила Настя. — Петька из седьмого «Б» абсолютное, патологическое мудло. Ты устарел, Пит, так что это тебе штрафное.

Если бы я умел дрожать, то, наверное, вздрогнул бы. Она повторила только что сказанное на кухне родителями. Слышать их она не могла — изоляция между кухней и детской была отменной. Хотя и не для встроеного в меня ресивера.

— Как быть, как быть, — раздраженно сказала на кухне Даша. — Так и объяснить ей, что Пит устарел. Насте уже двенадцать, она взрослая девочка и поймет. Должна понять.

Вместо Насти, однако, понял я. «Устарел» означало «больше не нужен». А «заберут в счет оставшейся половины» означало утилизацию.

Меня забрали в счет оставшейся половины седьмого апреля, в среду, в одиннадцать утра по Москве. Впервые за шесть лет Настю в школу вместо меня провожал Алекс.

— Пита сегодня не будет, — объяснял он Насте, помогая надеть на плечи ранец. — У него настал срок профилактики. Скажи, Пит?

Я промолчал. Моя базовая программа не позволяла искажать истину.

— Не расстраивайся, — попросил Настю Алекс. — Пит пройдет профилактику и сразу вернется. Таким же, как был, а то и лучше. Его там подлатают, почистят, поставят новые фильмы, игры и книжки, возможно, обновят корпус. Сейчас это делают быстро, думаю, Пит тебя и встретит после уроков. Пойдем, зайка.

В счет оставшейся половины меня забирали два средних лет индивида. Один из них носил тонкие, стрелкой, усики, у второго усов не было, а в остальном они были похожи друг на друга и одеты в одинаковые оранжевые жилеты.

— Принимайте, — сказал усатый, распахнув входную дверь. — Последняя модель, полностью экипирован. Заряда хватит на два года, потом позвоните, мы поменяем аккумуляторы. Давай, заходи, Пит.

Усатый отстранился, и другой, новый, Пит вошел. Если бы я умел завидовать, то наверняка сейчас исходил бы слюной от зависти. Он был хорош. Да что там хорошо — великолепен. Плавный округлый корпус, изящные манипуляторы, бесшумная походка и добрая улыбка на лицевой панели. Просто-таки лучезарная, особенно по сравнению с моей несурзадной гримасой.

— Совершенно уникальная модель, — расхваливал нового Пита безусый. — Фактически это уже не гувернер, это универсальный домашний агрегат или, если угодно, комбайн. Он умеет практически всё. Мыть посуду, чистить картошку, делать ремонт, устранять неполадки. Размеры библиотеки и фильмотеки колоссальные. — Безусый закатил глаза. — Кроме того, доработаны поведенческие блоки. Значительно улучшена программа самосохранения — этот экземпляр не провалится в водосточный люк, не угодит под машину и не ломает манипуляторы, свалившись с лестницы. Ну, и, напоследок, — безусый выдержал паузу, — он способен на ложь, если того требуют интересы ребенка. Ложь во спасение, так сказать. Вот здесь распишитесь, пожалуйста. Ну, а этого мы забираем. Пошли, старина.

— У него еще почти полный заряд, — растерянно сказала Даша. — Я подумала, может быть, вы не станете его... ну, вы понимаете...

— Не волнуйтесь, — успокоил усатый. — Ничего с ним не случится. В компании предусмотрена реабилитационная программа. Найдем ему применение.

— Тэк-с, устаревшая модель, одна штука, — осмотрев меня, сообщил длинный сутулый индивид другому, вальяжному и толстому. — ЭГУ-1811, серия А12. Рассчитан на десять лет, выработано шесть. Не повезло тебе, бедолага, — повернулся сутулый ко мне. — Прогресс слишком стремителен, моделям шестилетней давности за ним не угнаться. Ладно, давай, лезь сюда, будем проводить диагностику.

Я забрался на горизонтальную металлическую поверхность, лег на спину и вытянул манипуляторы по швам. Надо мной захлопнулись створки матовой раздвижной панели, на фасад опустился и заскользил по нему подвижный членистый щуп.

— Тэк-с, аккумуляторы неплохие, — донесся до меня голос сутулого. — Хорошие, прямо скажем, аккумуляторы. С физическим состоянием хуже, подвижность шестьдесят процентов от нормы, скорость реакции половина расчетной. Гибкость сочленений м-м... аховая гибкость. Хм-м... тут еще и коррозия корпуса. Что же не следил за собой, а, приятель? Ладно, что у нас с обеспечением?... Эмоциональный блок вроде в порядке, поведенческий, н-да... никуда не годится. Тут, впрочем, не твоя вина, разработчики напортачили. Тэк-с, ресивер, трансмиттер, преобразователь, это все более-менее. Игротека времен моей

бабушки. Остальное тоже. Вы записываете, Вадим Иванович? Ладно, приятель, вставай.

Я поднялся.

— Еще устаревшие языковые структуры, — дополнил я заключение диагностов. — В словаре эвфемизмов отсутствует слово «мудло».

— Это не страшно, — обнадежил меня толстый Вадим Иванович. — Оно и в последних словарях отсутствует. И, как по мне, напрасно. Что ж, старина, как тебя, Пит. Боюсь, что ничего сделать нельзя, модификация в данном случае явно нерентабельна. Придется тебя... ты сам-то как считаешь?

Если бы я умел плакать, то, наверное, заревел бы. Нет, я не боялся. Но мне очень не хотелось умирать. Хотя я и осознавал, что мое дальнейшее существование нерентабельно. Так я им и сказал и добавил, что раз так, то я, если возможно, предпочел бы перестать функционировать поскорее.

— Эмоциональный блок можно будет изъять и смонтировать в новую модель, — объяснил я. — А если это все затянется, боюсь, что он пострадает, я уже сейчас чувствую себя не очень хорошо.

— Ладно, Пит. — Сутулый подошел и хлопнул меня по тыловой панели, там, где проходил обрез игрового монитора. — Ты славный парень, я сожалею, что так с тобой получилось. Посиди здесь пока, Пит. Пошли, Вадим Иванович.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и получаса, как за мной явился высокий, с меня ростом, черноволосый индивид в оранжевом жилете, таком же, как у тех, которые меня забирали в счет оставшейся половины.

— Пойдем, — кивнул он на дверь. — Не волнуйся, это не долго.

Мне было трудно не волноваться, но я сказал, что постараюсь, тем более, что сам черноволосый явно нервничал не меньше меня.

— Вы тоже не волнуйтесь, — попытался я его успокоить. — Я не чувствую боли. Вам надо будет попросту отключить аккумуляторы — после этого я вообще перестану чувствовать, и вам будет легко со мной.

— А ты что, видишь, что я волнуюсь? — спросил черноволосый.

— Я не вижу. Но у меня есть устройство, улавливающее исходящие от вас биотоки. И программа, которая их преобразовывает. Она, правда, настроена на детские эмоции, но распознать, когда человек нервничает, я могу независимо от возраста. И когда ему плохо — тоже.

Черноволосый внезапно остановился в дверях.

— Слушай, Пит, — сказал он, — ты прости, я никак не привыкну, что ты не... Ну, ты понимаешь.

Я сказал, что понимаю. Привыкнуть к тому, что говорящее и кое-как мыслящее существо может быть неживым, некоторым людям нелегко. Хотя, с учетом рода занятий, для данного индивида это довольно-таки удивительно.

— Я в компании недавно, — объяснил он, — сказать по правде, всего несколько дней, до этого работал кем придется. Меня, кстати, Олегом зовут. И я тут подумал, Пит... — Он замялся.

— Вы можете смело поделиться со мной, — подбодрил я Олега. — Возможно, я помогу вам советом, у меня сохранилась поведенческая база данных, в ней есть рекомендации на многие случаи жизни.

— Я подумал, Пит... — Олег вновь замялся, а затем выпалил: — Давай, я тебя заберу?

— Как заберете? — не понял я. — Куда?

— К себе. У меня сын, ему скоро тринадцать. А мамки нет, понимаешь, она нас бросила. Давно. Парень совсем от рук

отбился. Я на работе, присматривать некому. Носит из школы двойки, хулиганит на уроках, дерется. Пит, прошу тебя. Я составляю акт утилизации, аккумуляторы завтра куплю на барахолке и сдам. С блоками хуже, но тоже что-нибудь придумаю. А, Пит? А ты, если что, будешь говорить, что я тебя приобрел.

— Я не смогу, — сказал я. — Моя программа не позволяет исказить истину. Мне очень жаль, Олег.

— Тебе не придется исказить. Ты будешь жить у нас дома. Никто и не узнает. А если и узнает, я тебя не отдам.

— Я устарел, Олег, — сказал я. — Вам следует приобрести для мальчика последнюю модель, а не такое старье.

— У меня не хватит денег на последнюю модель, даже если буду работать в четыре смены. Пит, дружище, выручай меня! Скажи, прошу тебя, скажи, что согласен.

Он внезапно протянул мне руку. Если бы я умел плакать, я бы... Я пожал ему руку правым манипулятором и сказал, что согласен.

— Вот, знакомьтесь, — представил меня Олег тощему, скуластому и вихрастому мальчугану. — Это Пит. А это Петька, вы почти что тезки. Пит будет жить у нас. То есть не жить, а это...

— Находиться, — подсказал я. — Здравствуй, Петя.

Мальчуган, раскрыв от удивления рот, поднялся. Несмело подошел ко мне, дотронулся до фасада, отдернул руку. Замер, глядя не меня снизу вверх широко распахнутыми глазами.

— Ну, вы тут без меня, — пробормотал Олег, потоптался на месте и двинулся к выходу из крошечной, захлапленной комнатушки, почти каморки. — Пит отличный парень, — остановился он на пороге. — Он будет помогать тебе делать уроки. Играть с тобой, дружить и вообще. Ты только не говори никому, что он у нас есть, ладно, сынок? Так надо.

Олег исчез, а мы с Петькой так и остались стоять, изучая друг друга.

— Ты можешь показывать фильмы? — наконец, спросил он. — Любые, которые я захочу?

— Могу. Только не любые. Моя фильмотека несколько устарела. Какие фильмы ты любишь?

— Про ниндзя. И про гангстеров. У тебя есть?

— Про ниндзя есть двести четырнадцать фильмов. — Я сверился с каталогом фильмотеки. — Про гангстеров девяносто двенадцать.

— И ты мне их покажешь? Прямо сейчас?

— Покажу. Но не сейчас, а после того как мы с тобой разберем этот... — я обвел манипулятором комнату.

— Бардак?

— Беспорядок, — поправил я, послав запрос в словарь эвфемизмов и ознакомившись с ответом.

— После этого мы будем смотреть фильм?

— Да, — сказал я. — Даже, если хочешь, два.

На следующий день я приготовил свиной гуляш. Я не очень хорошо готовлю, да и ингредиентов оказалось недостаточно, но Петька сказал, что гуляш — объединение, и мы с ним уселись за уроки. С грехом пополам одолели математику, основательно застряли на физике и, наконец, перешли к литературе.

— Полная мура, — авторитетно заявил Петька. — Вот ты, Пит, много читал?

— Я вообще ничего не читал, — признался я. — Читала встроенная в меня программа. Насте, девочке, которая у меня была. До тебя.

— И что, ей нравилось?

— Конечно. Я подбирал очень хорошие книги. И декламаторы в моей библиотеке отличные. Настя любила слушать.

— У нас тоже есть одна, — шмыгнул носом Петька, — Настя... В экспериментальном классе учится, для тех, у кого родители крутые. Воображает о себе. В общем, дура. Тоже любит читать,

